

© 2004 г.

В.О. РУКАВИШНИКОВ

ОТНОШЕНИЕ АМЕРИКАНЦЕВ К СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

РУКАВИШНИКОВ Владимир Олегович - доктор философских наук, профессор кафедры мировой политики Государственного университета - Высшей школы экономики.

После трагических событий 11 сентября 2001 г. в США печать заговорила о потеплении во взаимоотношениях России и Соединенных Штатов Америки. Однако едва ли есть необходимость доказывать, что прогресс в межгосударственных отношениях наших стран зависит не только от руководителей государств. Если Россия более не могущественный враг, которого следовало устрашать и сдерживать, то кто она - друг, союзник или партнер Америки, или же просто побежденный и на время притихший противник, которому нельзя доверять и за которым надлежит внимательно присматривать? И как рядовые американцы сегодня относятся к В.В. Путину, второму президенту России лично, поскольку хорошо известно, что восприятие политики любой страны в высокой степени персонифицировано?

Ответы на эти вопросы можно найти в публикациях СМИ и данных опросов американского общественного мнения, приведенных в настоящей статье. За ответами на вопросы, начинающимися словом "как", неизбежно следует "почему", предполагающее интерпретацию данных, объяснение выявленного паттерна общественного мнения, рассмотрение современного уровня информированности американцев о происходящем в мире, анализ эволюции системы ценностей и установок в отношении внешней политики США, вообще, и отношений с Россией, в частности, в предыдущие годы, выявление сути распространенных в США представлений о роли Америки и России в современном мироустройстве, обсуждение проблемы устойчивости фобий и мифов, сформировавшихся за долгие годы холодной войны, а также степени и механизмов влияния общественного мнения на внешнюю политику и многих других вопросов [1].

Зигзаги восприятия России в XX в.

В труде "Демократия в Америке" (1835 г.) французский философ Алексис де Токвиль писал о том, что "в мире есть две великие нации, русские и англо-американцы, которые, стартуя с различных точек, кажется, стремятся достичь одной и той же цели, ... - однажды держать в своих руках судьбы половины мира". В XX в. долгое время казалось, что его пророчество сбылось. Советская Россия и Соединенные Штаты Америки, объединив вокруг себя множество стран и народов, стали символами идеологически полярных, соперничающих цивилизаций. И неудивительно, что для отношений между двумя великими странами были характерны резкие перепады: враждебность и непризнание Соединенными Штатами Советской России в 1917-1933 гг., уста-

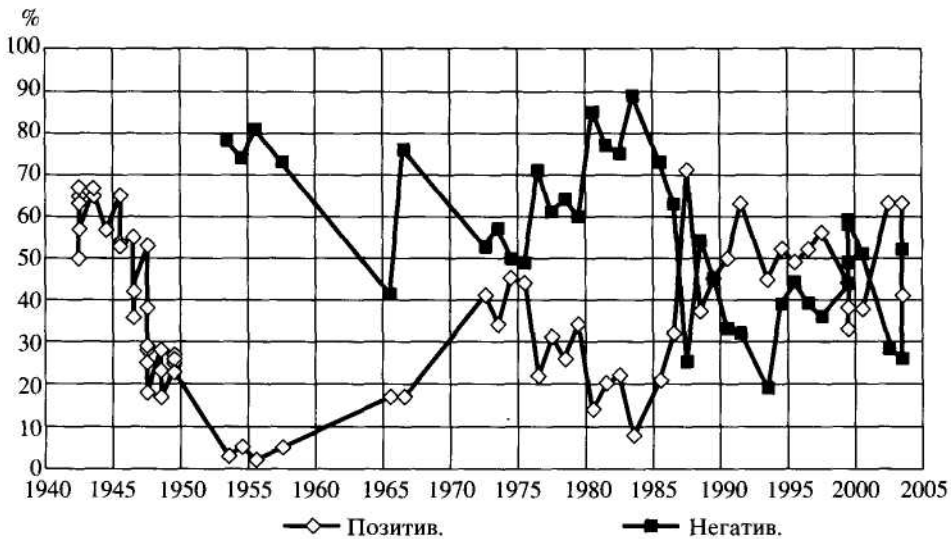

Рис. 1. Отношение американцев к Советскому Союзу/России, 1942-2004 гг. Источники: репрезентативные национальные опросы Gallup, NORC, OPOR.

Примечание: Для периода 1942-1949 гг. показан процент респондентов, в той или иной форме высказавшихся за сотрудничество с Россией. В 1953-1991 гг. респондентам предлагалось выразить свое положительное отношение к СССР/России цифрами от "плюс 5" до "плюс 1" и отрицательное от "минус 1" до "минус 5". При построении диаграммы ответы по позициям от +1 до +5 были объединены в одну группу и обозначены как положительные рейтинги, от -1 до -5 - как отрицательные. Для 1991-2004 гг. показан процент респондентов в той или иной степени с позитивным и негативным отношением

новление дипломатических отношений с СССР и ограниченное сотрудничество в 1933-1941, тесные союзнические связи в период борьбы с общим врагом в 1941-1945, холодная война в 1947-1989 и поиск новой формулы "партнерского сотрудничества" после ее окончания.

Общественное мнение США чутко реагировало на температуру наших межгосударственных отношений на всем протяжении прошлого века (рис. 1). Однако, на наш взгляд, было бы неправильно утверждать, что отношение американцев к нашей стране целиком и полностью зависело от установок американской внешней политики и обороны, с одной стороны, и действий СССР/России и США на международной арене, с другой. В значительной степени оно было детерминировано политической культурой элиты и массы.

Нельзя забывать о том, что в годы холодной войны Советский Союз/Россия олицетворял для американского обывателя антитезу основных ценностей и привычных политических и религиозных свобод, всего того, что можно назвать "американским образом жизни" [2]. Если же учесть, что основные ценности (типа свободы и патриотизма) определяют на индивидуальном уровне другие, более специфические убеждения и установки личности [3], а общественный консенсус относительно того, "каким должно быть общество и политика", на социетальном уровне определяет доминирующую в стране массовую политическую культуру, то следует признать правильным заключение тех американских исследователей, которые полагают, что "политическая культура США времен холодной войны могла быть только экстремально антисоветской и антикоммунистической" [4]². Иначе говоря, именно особенностями политической культуры США объясняются "антецеденты антисоветских чувств американцев, имеющие отношение к формированию суждений по вопросам внешней политики, как и основных ценностей и диспозиций, или предрасположенностей" (там же) .

Американские социологи Пейдж и Шапиро в серии статей 1980-х годов и фундаментальном труде (1992 г.), охватывавшем практически все доступные для исследователей американские базы опросных данных по вопросам внешней политики, начиная с середины 1930-х годов и до конца 1980-х, показали, что общественное мнение по различным вопросам внешней политики (в смысле предпочтений, отдаваемых внешнеполитическим акциям определенной направленности), рассматриваемое как коллективное (или агрегированное) мнение, имеет *когерентную {внутренне согласованную, непротиворечивую}* структуру, высокую степень *внутренней стабильности* (устойчивости пропорций во времени) и *рациональности* [7]. Имеется в виду, что его движения - изменения пропорций - происходят не случайным образом, а как предсказуемые, причинно обоснованные реакции на меняющиеся обстоятельства или международные события и сообщения СМИ [там же]. Более того, когда изменения в пропорциях происходили, то они *следовали* за определенными событиями и поэтому были объяснимы на *рациональном* уровне.

Дабы избежать неправильного понимания сказанного выше, следует особо подчеркнуть, что речь идет лишь о *стабильности коллективного* или *агрегированного* (в статистическом смысле) *общественного мнения*. В результате объединения в едином массиве данных большого количества индивидуальных мнений взаимно погашаются случайные отклонения от общей тенденции, связанные как с плохим знанием предмета опроса отдельными респондентами, так и с ошибками, неизбежными и неустраняемыми, инструмента и методики измерения. *Стабильность* коллективного мнения здесь понимается в смысле статистической *устойчивости* общей картины распределения мнений, то есть отсутствия внезапных, резких и значительных по величине (более, чем на десять процентных пунктов за год) изменений в пропорциях ответов на последовательно задававшийся один и тот же или близкие по смыслу вопросы. Такое понимание стабильности предполагает флуктуации результатов измерений в отдельные моменты времени вокруг среднегодовой величины, а также возможность медленных, постепенных изменений, которые в конечном счете через несколько лет могут привести к несколько иной композиции пропорций агрегированного мнения, чем в начале рассматриваемого периода.

Убеждения, политические пристрастия и жизненные ценности индивида, равно как и стереотипы, предрассудки, сформировавшиеся в период первичной социализации, изменяются медленно и обычно лишь под мощным давлением фактов и обстоятельств. В этом и кроется корень поразительной устойчивости пропорций агрегированного мнения, причина сходства профилей распределений ответов на сходные по существу вопросы, задаваемые различными организациями, проводящими опросы по своим выборкам, но в одной и той же стране, в одно и то же историческое и социальное время.

После победы Запада в холодной войне и коллапса коммунистического мира восприятие американцами России, естественно, не могло не измениться. Баланс мнений сдвинулся в сторону более доброжелательного отношения. В целом в 1990-е годы он в значительной степени зависел как от интерпретации СМИ и ведущими политиками хода и результатов российских реформ, так и от восприятия американцами роли и места своей страны и России в изменившихся геополитических условиях. Обратим внимание на то, что вскоре после первоначального сдвига баланса общественного мнения в сторону более доброжелательного отношения, произошедшего в конце 1980-х - начале 1990-х гг., наметилась тенденция к похолоданию, особенно явственно проявившаяся во второй половине - конце 1990-х годов в связи с кризисом вокруг Косово, расширением НАТО на Восток и разногласиями по некоторым другим вопросам (рис. 1) [8]. Пропорции общественного мнения данного периода были удивительно схожи с пропорциями времен холодной войны.

Несмотря на то, что качественных перемен в американской политической культуре за последнее десятилетие прошлого века не произошло, "прохладное" или недоброжелательное отношение немалой части американцев к постсоветской России в

1990-х годах уже нельзя было удовлетворительно объяснить, ссылаясь только на идеологические ценности и антисоветские установки (антикоммунистическую индоктринацию). Кроме того, необходимо было принимать во внимание влияние, которое оказывали на баланс общественного мнения демографические перемены: более молодые американцы, как правило, относились к России и русским более толерантно и доброжелательно, чем их деды и отцы. Поэтому новую "волну холода" объясняли неудачными постсоветскими реформами и разочарованием в проводивших их реформаторах, неприемлемыми для США внешнеполитическими амбициями России и политикой Кремля в Чечне, рецидивами русофобии, традиционным недоверием или "инерцией установки" в отношении России, влиянием укоренившихся в массовом сознании этнических стереотипов и т.д. [9].

Если согласиться с вышеприведенными объяснениями, то можно и нужно, на наш взгляд, в первую очередь, говорить о необходимости *демифологизации* стереотипов, - прежде всего применительно к имиджу России и восприятию русских в Америке. И, во-вторых, об уважении права Москвы на самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику. Кроме того, нам кажется, что сдвиг баланса мнений в сторону холода был продуктом переоценки общественным мнением США роли и места прежних соперников в новых геополитических условиях, сложившихся после холодной войны. Общеизвестна убежденность американцев в том, что отныне и во веки победившие коммунизм США - самое влиятельное и сильное государство в современном мире, а постсоветская Россия - это не прежняя сверхдержава, а слабая страна, хотя еще пугающая ближайших соседей своими имперскими амбициями, но на деле неспособная навести порядок у себя дома (Чечня) и создать действенный экономический союз (СНГ).

США и Россия в глобальной политике начала 21 века

Глобализация идет на пользу Америке - такова была оценка 54% опрошенных среди населения и 87% "лидеров мнения" осенью 1998 г. И поэтому Америка может быть названа "довольной собой сверхдержавой" - вот вывод, который напрашивался из итогов опроса 1998 г., проведенного по заказу Чикагского совета по внешней политике [10]. Большинство рядовых американцев (63%) и лидеров мнения (89%)⁴ уже тогда полагало, что наиболее важной характеристикой страны в условиях разворачивающейся глобализации является экономика, а не мощь вооруженных сил. Поддержка глобализации⁵ как переменная коррелировала с переменными, измерявшими отношение респондентов к активности США за рубежом и расширением многосторонних связей и атлантической солидарности.

Однако уже тогда у американской элиты, оптимистически надеявшейся на использование глобализации для укрепления позиций Америки в мире, были основания для беспокойства. Полвека назад, после окончания второй мировой войны, когда промышленно развитые страны Европы и Азии лежали в руинах, США производили столько же, сколько весь остальной мир. В начале 1990-х им принадлежало уже чуть более 20% мирового объема производства, и с тех пор доля США продолжала снижаться. К середине XXI в. американская экономика по важнейшим макроэкономическим параметрам может оказаться заметно слабее, чем в его начале. Америка не так уж много производит, но много потребляет.

США давно живут в долг. А кредитор - остальной мир. Ежегодный торговый дефицит в размере около 500 млрд. дол. покрывается за счет безостановочного выпуска "долларовых фантиков", которые стали мировой валютой. США заинтересованы в том, чтобы контролировать ресурсы всего мира и заставить покупать американские товары и расплачиваться за них американскими же деньгами. В конце 1999 г. президент Клинтон объяснял это студентам следующими словами: "Сегодня, мы - это приблизительно 4% от населения планеты. Мы владеем приблизительно 22% от мирового дохода. С точки зрения элементарной математики ясно, что мы не можем продол-

жать так жить, если мы не продадим кое-то остальным 96% людей нашего взаимосвязанного мира" (цит. по [11]). Осенью 2000 г. доктор Кондолиза Райс, вторя Клинтону, признавала, что во внешней политике США экономические вопросы имеют решающее значение, потому что "они потенциально способны изменить всю международную политическую динамику" [12].

Американская правящая элита понимает, что уже к середине нынешнего столетия положение непременно изменится и американская гегемония может быть утрачена. Поэтому необходимы шаги, направленные на сохранение лидирующего положения в политическом мире и обеспечение надежного контроля над важнейшими сырьевыми ресурсами и их поставками в США. Однако лишь финансовыми рычагами удерживать такой порядок вещей невозможно. И поэтому ставка делается на военную силу, идеологию и пропаганду. Лидеры Америки стремятся как-то успокоить тех, кто считает, что США уже прошли пик своего могущества, а военные интервенции лишь призваны замаскировать их прогрессирующую слабость.

Военная сила - главное, если не единственное средство, позволяющее оставаться гегемоном в ситуации, когда страна уже не сможет обеспечить свое центральное положение в мире другими, прежде всего экономическими средствами. Известно, что Вашингтон планирует не только техническое переоснащение своих войск, но и осуществляет развертывание национальной ПРО, проводит полную перегруппировку своих вооруженных сил, разбросанных по всему миру, и в том числе замену большинства крупных военных баз небольшими опорными объектами. 24 мая 2000 г. У. Коэн, министр обороны США в администрации Клинтона, напомнив, что 100 тыс. американских солдат находятся в Европе и примерно такое же количество в странах Азии, включая 40 тыс. в Южной Корее и примерно 25 тыс. в зоне Персидского залива, задал вопрос: "Разве на этом основании можно заключить, что мы - страдающая от усталости сверхдержава?" [13]. Однако уже этот, казалось бы, риторический вопрос можно расценить как признание, что проблема существует.

Думается, что именно снижением удельного веса США в мировой экономике объясняются повышенный интервенционализм США, рост американских оборонных расходов и принятие новой внешнеполитической и оборонной доктрины⁷. Нет сомнения в том, что при разработке "новой великой стратегии" США⁸ учитывалось (по крайней мере, косвенным образом) место, которое победители в холодной войне отвели России в глобальной архитектуре безопасности наступившего века. Исходя из реалий 1990-х годов, нельзя не признать, что ключевым это место назвать трудно.

Если измерять сравнительную экономическую мощь страны величиной ВВП, рассчитанной с учетом паритета покупательной способности национальной валюты (ВВП/ППС), то российский ВВП примерно в десять раз ниже и американского, и европейского. Россия теряет чуть ли не по миллиону граждан в год. Уже в настоящее время по численности населения наша страна уже почти в два раза уступает США, а объединенной Европе и того более. Экономика Российской Федерации в начале нынешнего века росла достаточно высокими темпами, но она остро нуждается в иностранных инвестициях. В несекретной версии доклада директора ЦРУ Тенета Конгрессу (январь 2003 г.) была представлена довольно мрачная картина России как страны, страдающей от безденежья и поэтому продающей таким странам, как Иран, Индия и Китай, технологии "двойного предназначения", могущие применяться для производства оружия массового поражения и средств его доставки [16]. На Западе говорят: история последнего десятилетия XX в. писалась без России; чаще всего эта формула используется в связи с урегулированием кризиса на Балканах. Россия как крупнейшая ядерная держава формально включена в G-8 - клуб ведущих мировых держав (условно он совпадает с группой семи наиболее развитых держав плюс Россия или с "восьмеркой", к которой добавляется Китай в случаях, когда речь заходит о проблемах Дальнего Востока). Но из-за экономической слабости ее голос не может звучать громко.

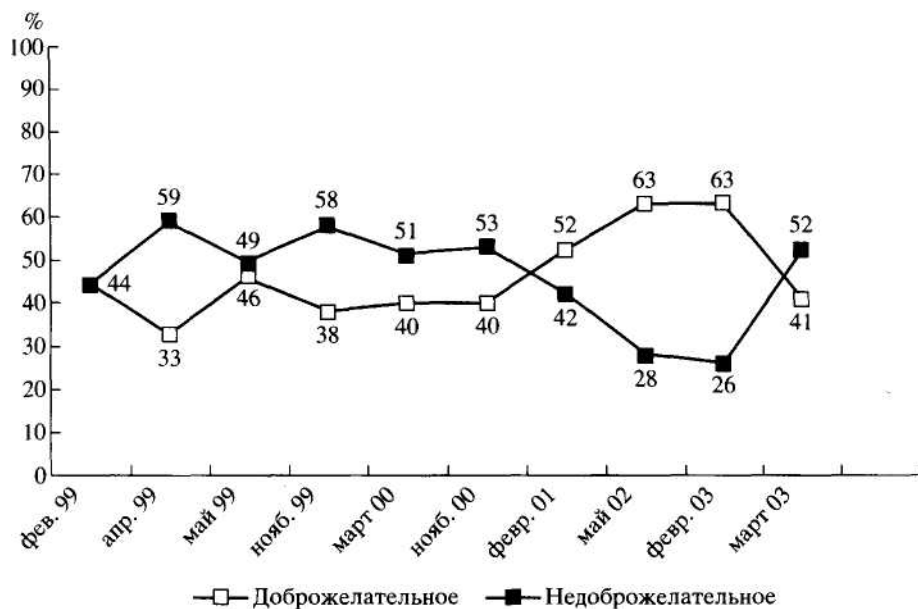

Рис. 2. Общественное мнение США о России, 1999-2003 г.г. *Источник:* Gallup Organization. Gallup/CNN/USA Today. 2003. 14-15 марта

Примечание: На диаграмме показаны суммарные проценты респондентов, сообщивших о доброжелательном и недоброжелательном отношении к России

Американцы в 1990-х гг. считали свою страну как никогда защищенной и, за редким исключением, в возможность крушения мифа об американской неуязвимости не верили. Миф рухнул после удара "Аль-Каиды". После трагических событий 11 сентября 2001 г. Россия выразила сочувствие жертвам атаки террористов и вошла в анти-террористическую коалицию. Изменилось ли после этого отношение американцев к России? Ответ на данный вопрос прост: да, и в лучшую сторону, но не всерьез и не надолго. Стоило России проявить самостоятельность и не поддержать интервенцию в Ирак в 2003 г., как симпатии начали таять.

Каждый четвертый (27%) американец, опрошенный в январе 2002 г., заявил, что после ужаса 11 сентября 2001 г. он стал сочувствовать России, проводящей антитеррористическую операцию в Чечне. Однако у большинства респондентов (44%) отношение к этому вопросу не изменилось, а 8% даже признали, что стали относиться к воюющей с чеченцами России с меньшей симпатией, чем прежде; каждый пятый (21%) отказался отвечать или сказал "не знаю". Иначе говоря, большинство американцев "не покупало" трактовку российской контртеррористической операции в Чечне как части "глобальной войны с мировым терроризмом". А в сентябре 2003 г., когда американцы начали чувствовать, что дела в Ираке идут не так, как им хотелось бы, три четверти респондентов (75%) заявили, что Россия не сделала ничего особенного для поддержки глобальной войны против терроризма¹⁰. Баланс мнений о России, укрепившийся после подписания соглашения о сокращении стратегических арсеналов в мае 2002 г., резко изменился (рис. 2). Уже в декабре 2002 г. 14% опрошенных сообщили, что Россия потеряла уважение в их глазах из-за позиции по иракскому вопросу. А в марте 2003 г. суммарная доля американцев, признавшихся в негативном отношении к России, превысила половину - 52% респондентов (40% - скорее недоброжелательное и 12% - очень негативное) против 41%, позитивно относящихся (4% - очень благожелательно и 37% - скорее благожелательно). Доля негативно относившихся к России выросла в два раза по сравнению с февралем (26% опрошенных).

Россия - союзник или враг Америки?
(в % к числу опрошенных)

Позиции	Апрель 1999	Ноябрь 2001	Февраль 2003	Март 2003	Август 2003
Близкий союзник	2	25	20	23	13
Дружеская страна, но не союзник	44	55	60	44	39
Не друг, и не враг	27	5	8	25	28
Недружественная страна/враг	5	5	4	5	9
Нет мнения	2	10	8	3	10

Источник: Harris Interactive, 2003, Aug 12/017; Gallup/CNN/USA Today, Mar 14-15,2003/April 13-14,1999; CBS News, Nov. 2001, 13-14, 2001, Feb 24-25. Объемы репрезентативных национальных выборок варьировали от 500 (2002 г.), 805 (2001 г.) до 1011 (1999 г.) при ошибке 3-4%.

Отношение американцев к президенту Путину
(в % к числу опрошенных)

Отношение	Май 2002	Март 2003	Октябрь 2003
Благожелательное	41	15	38
Недоброжелательное	18	46	28
Никогда не слышал о нем	13	35	16

Источник: Gallup Organization (Oct. 6-8, 2003; May 20, 2002), Time/CNN (March 27, 2003). Database at the Roper Center for Public Opinion Research at the University of Connecticut.

В начале марта 2003 г. отношение к России, измеренное на "термометре чувств", было "прохладным" - 45,5 (это средняя по выборке температура; 26% охарактеризовали его как "теплое, благожелательное" и указав на одно из значений в диапазоне 51-100, то есть 36 - как "холодное, недоброжелательное (0-49), и 29 - как "ни особенно теплое, ни холодное" (50)¹³. Несмотря на заверения президентов о партнерских отношениях, установившихся между бывшими стратегическими противниками, после Ирака доля тех, кто считал, что Россию нельзя считать союзником Америки, начала расти (табл. 1).

Отношение американцев к президенту Путину

Отношение американской публики ко второму российскому президенту изменялось в интервале от полного незнания ("Кто Вы, мистер Путин?") в 1999-2000 гг., когда он пришел к власти до сдержанно-благожелательного осенью 2003 г., накануне очередных президентских выборов. Не рассматривая подробно динамику отношения к Путину на всем протяжении его первого президентского срока, укажем, что в мае 2000 г. (накануне визита Б. Клинтона в Москву) только 18% респондентов знали фамилию и имя нового президента России¹⁴. После заключения в Москве в мае 2002 г. соглашения о сокращении стратегических ядерных арсеналов две пятых опрошенных сообщили о доброжелательном отношении ко второму российскому президенту. В марте 2003 г., в начале второй иракской войны, ему симпатизировали почти в три раза меньше американцев, чем год назад. А к моменту октябрьского (2003 г.) опроса, когда Путин уже четыре года определял российскую политику, почти треть жителей Соединенных Штатов не смогла ответить на вопрос: "Кто такой мистер Путин"? (табл. 2).

Октябрьский опрос 2003 г. показал также, что российский президент пользуется большей симпатией у американских мужчин, чем у женщин - 46% опрошенных про-

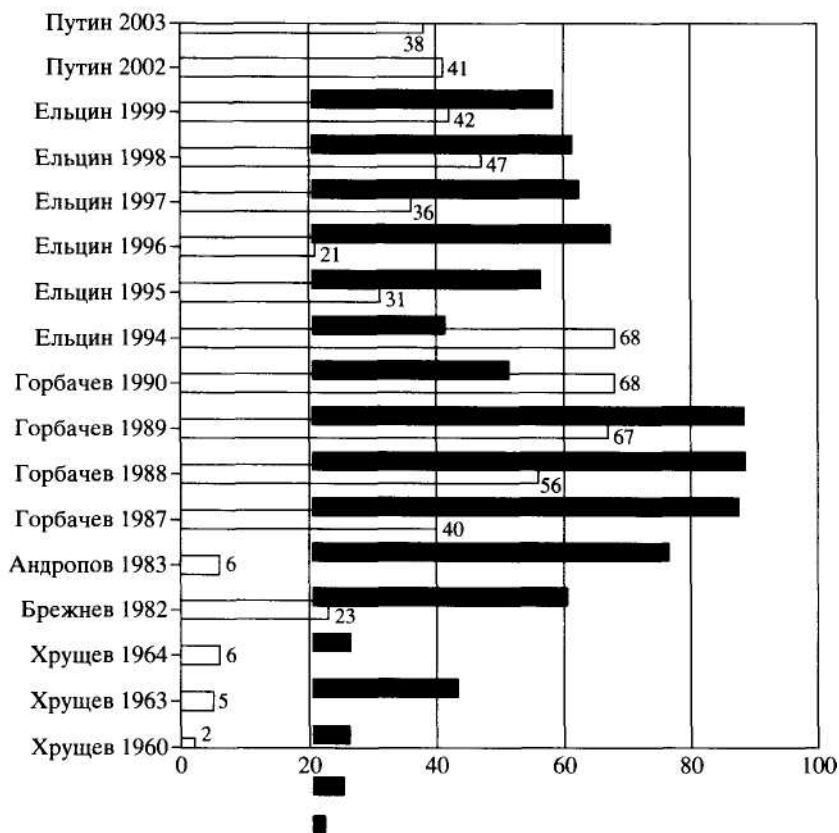

Рис. 3. Отношение американцев к российским/советским лидерам (% имевших доброжелательное мнение). Источник: Gallup polls

тив 32%, и у образованных и обеспеченных людей, чем у необразованных и необеспеченных. Такое восприятие Путина определяется нынешним состоянием российско-американских отношений и является, на наш взгляд, производной от описанной выше модели отношения американцев к России и уровня знаний рядовых граждан США о происходящем в мире. Напомним читателю, что с 1930-х годов никто не оспаривал тезис о том, что уровень знаний о международном положении у рядовых американцев "удручающе неадекватный" [17]. И хотя недавно в печати появились утверждения, что нынешняя американская общественность вовсе не столь амбивалентна и невежественна в вопросах внешней политики, как ранее [18], на наш взгляд, не следует спешить делать вывод, что в настоящее время американская общественность является *хорошо и правильно информированной* о международных событиях.

Отношение ко второму российскому президенту в сравнении с предшествующими российскими/советскими лидерами показано на рис. 3. Нетрудно заметить, что по рейтингу Путин уступает не только Горбачеву, но и Ельцину. Нет нужды доказывать, что в Америке отношение к России и ее лидеру в значительной мере формируется под воздействием СМИ, а не только усвоенных с детства стереотипов и мифов или заявлений действующих политиков. А в американской прессе политика Путина не раз подвергалась резкой критике. Приведем пару примеров. В "Вашингтон Тайме" в номере от 24 сентября 2003 г. в статье, опубликованной в связи с визитом В.В. Путина в США, утверждалось, что "за три с половиной года правления этого бывшего оперативного работника КГБ хрупкой российской демократии практически пришел

конец". А в "Нью-Йорк Тайме" от 2 марта 2004 г. можно было прочитать, что хотя источники богатства России - нефть, газ, золото и другие металлы - сегодня продаются по высокой цене и помогают подпитывать ее поступательное развитие, российский экономический рост "... может оказаться мыльным пузырем".

На основе предыдущего можно прийти к заключению, что между итогами внутриполитических и социально-экономических преобразований, качеством российской демократии, с одной стороны, и имиджем президента современной России на Западе, с другой, существует несомненная связь. Несмотря на то, что при Путине продолжается реализация далеко небесспорной программы реформ, начатой при Ельцине, в западной печати выражалась обеспокоенность ее перспективами в связи с арестами "олигархов" и "делом ЮКОСа". Излишне говорить, что все то, что американцы и европейцы воспринимают как отступление от демократического пути - жесткую силовую политику в Чечне, контроль над СМИ, условия проведения парламентской и президентской избирательных кампаний - существенно ухудшило образ российского президента.

На публике сорок третий американский и второй российский президенты любили демонстрировать дружеские личные отношения и подчеркивать сходство взглядов российского и американского руководства по ключевым вопросам международной безопасности. Путин не устал повторять, что уже завершён переход от конфронтации, характерной для эпохи холодной войны, к партнерским отношениям между нашими странами и что американо-российское сотрудничество развивается в правильном направлении. Однако вскоре после начала вторжения в Ирак Вашингтон выступил с угрозой санкций против трех российских компаний, якобы поставивших иракцам вооружение или оборудование в нарушение правил ООН. В те дни, по заключению журналистов, сделанному на основании частных бесед, сотрудники Белого Дома были просто в "ярости", говоря о поведении России. А некоторые аналитики были уверены, что упомянутые выше сделки были лишь верхушкой айсберга [19].

Итак, как следует из приведенных выше фактов, несмотря на потепление в межгосударственных отношениях, связанное с необходимостью консолидированного отпора международному терроризму как новой всеобщей угрозе, на протяжении первых лет XXI в. общественное мнение США и американская элита не слишком симпатизировали и доверяли президенту России.

Заключение

В конце 1980-х годов на основании анализа многолетних трендов американского общественного мнения и данных опросов, проведенных незадолго до распада СССР, был сделан вывод, что несмотря на то, что "специфические установки американской общественности в отношении русских варьировали существенным образом вслед за важными историческими событиями, главные из них - подозрительность (недоверие) и неприязнь, которые проявились в самых первых опросах (1930-х годов - авт.), сохранились в основном и десятилетия спустя" [20, р. 197]. На наш взгляд, этот вывод справедлив и применительно к началу XXI в., поскольку эмпирические данные не дают оснований утверждать, что вышеназванные характеристики отношения к русским полностью исчезли или что политическая культура американского общества и восприятие России и русских американцами принципиально изменились. Увы, несмотря на новые вызовы глобальной безопасности, требующие коллективного и согласованного ответа, амбиции Вашингтона в мире лишь выросли, а фобии времен холодной войны оказались влиятельными и через десятилетие после формального ее завершения.

Говоря о первых годах XXI в., мы имеем дело с "незавершенной историей". После убедительной победы Путина на президентских выборах 2004 г. западные журналисты начали задаваться вопросом, куда заведут Россию амбиции Путина и как на них реагируют США. Кто станет хозяином Белого Дома в 2005 г., на момент написания

этих строк было неизвестно. И, тем не менее, хочется верить, что наметившиеся тенденции спокойно-доброжелательного отношения к русским и России в американском общественном мнении будут доминировать и получают дальнейшее развитие вне зависимости от того, к какой партии будет принадлежать вновь избранный американский президент.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сведения об объеме выборочной совокупности и методе опроса сообщаются не всегда, поскольку далеко не во всех случаях они имелись в использованных нами источниках. Во всех общенациональных опросах использовались репрезентативные выборки, обеспечивающие пропорциональное представительство всех элементов генеральной совокупности (взрослого населения страны) в выборочной совокупности. Объемы таких выборок обычно не превышали 1500 респондентов (минимум 500), а ошибка выборки составляла 3-4%. Чаще опросы проводились по телефону.

² Советский режим с начала 1920-х годов изображался в США как преступный, атеистический и глубоко аморальный, отрицающий либеральные и традиционные семейные ценности, и поэтому антикоммунистические и антисоветские установки подкреплялись убежденностью в идеологическом и моральном превосходстве Америки. Несмотря на то, что, "хотя у европейцев были большие объективные основания для того, чтобы бояться Советского Союза, уровень общественного недоверия и враждебности к Советам в Соединенных Штатах был намного выше, чем в Западной Европе" [5].

³ Взаимосвязь американской политической культуры и внешней и оборонной политики Соединенных Штатов на различных этапах холодной войны подробно рассмотрена в работах [6].

⁴ Специализированные опросы для Чикагского Совета по внешней политике проводятся регулярно с интервалом в 4 года с помощью организации Гэллапа. Первый опрос был организован в 1974 г. Поскольку опросы обычно проводились осенью, обобщенные результаты опросов в форме отчетов "Американское общественное мнение и внешняя политика" публиковались весной каждого последующего года - 1975 г. и т.д. Ключевым во всех опросах было выяснение того, в какой степени американское общество, - точнее, масса населения и представители элиты как лидеры общественного мнения - поддерживает внешнюю политику и активную роль, играемую Соединенными Штатами в мире. Для опроса населения и лидеров мнения используются различные, но сходные по содержанию вопросники. Опрос взрослого (старше 18 лет) мужского и женского населения проводится методом личного интервью по национальной стратифицированной рандомизированной выборке объемом в 1500 чел. Опрос лидеров проводится по телефону. Выборка "лидеров мнения" включает примерно 400-500 человек. В эту группу входят только высокопоставленные американцы, знакомые с международными делами по роду своей деятельности. В ней в примерно равных пропорциях представлены члены соответствующих комитетов палаты представителей Конгресса и Сената, сотрудники федеральных министерств и иных подразделений администрации президента США. Кроме того, в нее входят видные бизнесмены (вице-президенты крупнейших корпораций по иностранным делам), известные журналисты (редакторы и обозреватели основных газет и телеканалов, директора радиопрограмм и кабельных сетей), крупные ученые (президенты и научные сотрудники ведущих колледжей и университетов) и работники частных исследовательских центров, занимающихся внешней политикой. Помимо этого, здесь представлены небольшим числом профсоюзные работники, священнослужители и др., имеющие отношение к внешней политике. При статистической обработке погрешность результатов составляет плюс-минус 3% для населения в целом и 5% для лидеров.

⁵ Глобализацию участники опроса понимали как процесс, в ходе которого США и различные части света становятся ближе друг к другу, все более и более взаимосвязанными. Это - процесс расширения торговых связей, ведущий к единой планетарной экономике, процесс, в ходе которого народы начинают ориентироваться на всеобщие глобальные (читай - американские) ценности, а международные (читай - контролируемые США) институты играют все более важную роль и в мировой, и национальных экономиках.

⁶ Европейский Союз, вобравший в себя большую часть государств Старого Света, становится экономическим гигантом, сопоставимым с Северной Америкой. Растет экономическая мощь Китая, Индии и других азиатских и тихоокеанских государств, включая Японию и Индонезию. Если в 1992 г., по данным Всемирного Банка, валовой внутренний продукт

Китая, скорректированный с учетом паритета покупательной способности, составлял около 40% от американского ВВП, то, по прогнозам, к 2020-2025 гг. по этому показателю Китай, возможно, будет превосходить США примерно в 1,2-1,4 раза. В 2004 г. китайский ВВП оценивался уже в 500 млрд. долларов.

Доктрина основана на признании изменившегося характера угроз и их источников. Как заявлял Д. Буш в ООН в сентябре 2002, "нам угрожают не флоты и армии, а генерирующие катастрофы технологии, попадающие в руки озлобленного меньшинства... Стратегическое соперничество ушло в прошлое. Сегодня величайшие державы мира находятся по одну сторону противостояния, объединенные общими угрозами со стороны порождаемого террористами насилия и хаоса. Даже такие слабые государства, как Афганистан, могут представлять собой большую опасность для нашей безопасности, точно так же как и мощные державы". В выступлении подчеркивалось, что США обрели статус страны не сравненной военной мощи, создающей возможность распространения благ свободы по всему миру. Поэтому США должны "сдерживать потенциальных противников от начала усовершенствования их военной машины, чтобы действенными методами отвлечь эти державы от курса на достижение равенства с Соединенными Штатами, не говоря уже о возобладании над ними". В документе делается вывод о допустимости превентивных ударов [14].

⁸ Профессор Джорджтаунского университета в США Г. Джон Икенберри охарактеризовал новую доктрину Буша-младшего как "неоимперскую", посягающую на глобальную роль в установке стандартов, определении угроз, использовании силы и отправлении правосудия. Это, по его мнению, сопровождается тем, что собственный суверенитет для Америки становится абсолютным понятием, а суверенитет стран, бросающих вызов Вашингтонским стандартам, трактуется как все более условный. И добавляет, что "эти радикальные стратегические идеи и импульсы могли бы в известном смысле преобразовать сегодняшний мировой порядок, чего, как ни странно, не сделало окончание холодной войны" [15].

⁹ Опрос Pew Research Center for the People & the Press. N = 600. Americans Favor Force in Iraq, Somalia, Sudan and... Questionnaire. Опубликовано: 2002, 22 января.

¹⁰ Ответили "достаточно" 17% респондентов; "недостаточно" - 75%; нет мнения - 8. Опрос ABC News, 4—7 сентября 2003 г.

¹¹ 25% стали уважать; 14 - потеряли уважение; 42 - мнение не изменилось; 19 - не знают ответа. Опрос *NBC/Wall Street Journal*, 7-9 декабря 2002 года.

¹² Опрос Gallup/CNN/USA Today, 14-15 марта 2003.

¹³ Интерпретация значений шкалы: 50 градусов - "нейтральная температура", "ни тепло, ни холодно"; значения выше 50-и градусов - "тепло или горячо", доброжелательное отношение; ниже 50-и - "прохладно или холодно", то есть отрицательное, недоброжелательное отношение. Опрос организации Vietnam Veterans of America Foundation; Greenberg Quinlan Rosner Research & Public Opinion Strategies, Mar 3-8, 2003.

¹⁴ По данным того же опроса, премьер-министра Великобритании (Тони Блэра) назвали 22% респондентов, лишь 2% знали, кто является премьер-министром соседней Канады (Жан Кретьен). Из этих цифр напрашивается вывод - рядовые американцы сегодня, как и полвека назад, попросту не интересуются международными новостями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Подробно эти вопросы см.: *Рукавишников В.О.* Холодная война, холодный мир. Общественное мнение США и Европы о СССР/России и внешней политике. М: Академический проект, 2004.
2. *Finlay D.J., Holsti O.R., Fagen R.R.* Enemies in Politics. Chicago, 1967.
3. *Rokeach M.* The Nature of Human Values. New York, 1973; *Hurwitz J., Peffley M.* How are foreign policy attitudes structured? A hierarchical model // *American Political Science Review*. 1987. № 81. P. 1099-1120.
4. *Hurwitz J., Peffley M.* American Images of the Soviet Union and National Security Issues // *Don Munton and Hans Rafter* (eds.) Debating National Security: the Public Dimension. Frankfurt, 1991. P. 108. См. также: *Stouffer S.A.* Communism, Conformity and Civil Liberties: A Cross-Section of the Nation Speaks in Mind. N.Y., 1955; *Rosenberg M.J.* Images in relation to the policy process: American public opinion on Cold War issues // *Kelman H.C.* (ed.) *International Behavior*. N.Y., 1965. P. 277-336.
5. *Dalton R.J.* Citizen Politics in Western Democracies. Chatham, N.J., 1988.

6. *Tannenbaum F.* The American Tradition in Foreign Policy. Norman, OK., 1955; *Van Dusen G., Wade R.* (eds.). Foreign Policy and the American Spirit. Ithaca, N.Y., 1957; *Hoffmann S.* Primacy of World Order. N.Y., 1978; *Perkins D.* The American Approach to Foreign Policy. N.Y., 1961; *Wolfe A.* The Rise and Fall of the Soviet Threat. Washington, 1984; *Nye J.F.* (ed.). The Making of America's Soviet Policy. N.Y., 1984; *Kennan G.F.* The Nuclear Delusion. London, 1984.
7. *Shapiro B., R. Page.* Foreign Policy and the Rational Public // *Journal of Conflict Resolution*. 1988. № 32 (June). P. 211-247. См. также: *Page B., Shapiro R.Y.* The Rational Public; Fifty Years of Trends in American Policy Preferences. Chicago, 1992.
8. См.: *Rukavishnikov V.* Inherited Geopolitics and New Emergent Global and Regional Realities: A View from Russia. Paper for the International Conference "Ten Years After: Democratization and Security in South-Eastern Europe". Ohrid, Macedonia, 2000, 27-29 October; *Rukavishnikov V.* New Threats and Old Phobias. Paper presented at the XV-th World Congress of Sociology, RC 01 "Armed Forces and Conflict Resolution". Brisbane (Australia), 2002 July 7-13.
9. См.: *Field M.* Impacts of Ideology on Press Reports About Events in the Former Soviet Union // *PS: Political Science and Politics*. 1994. № 27:1 (March). P. 55-65; *Lieven A.* Against Russophobia. Alternatives // *World Policy Journal*. 2000/01. Vol. 27. № 4; *Cohen S.F.* American Journalism and Russia's Tragedy // *The Nation*. 2000. October 2; *Brzezinski Z.* The Primacy of History and Culture // *Journal of Democracy*. 2001. Vol. 12. № 4, October. P. 20-26.
10. *Reilly J.E.* (ed.). American Public Opinion and U.S. Foreign Policy, 1998. The Chicago Council on Foreign Policy, 1999.
11. The Washington Post. 1999. December 1. Web-edition.
12. *Rice C* Rice Talk // *The International Economy*. 2000. Vol. 14. № 5. P. 36-39.
13. *Trimble S.* Cohen: No 'Superpower Fatigue' Secretary Says U.S. Military Presence Promotes Stability // 2000. 20 May (веб-сайт Military.com.).
14. Office of the President. National Security Strategy of the United States. 2002. September.
15. *Ikenberry G.J.* America's Imperial Ambition // *Foreign Affairs*. 2002 September/October.
16. См.: сайте inosmi.ru: 15 января 2003.
17. *Holsti Ole R.* Public Opinion and Foreign Policy: Challenges to the Almond-Lippmann Consensus // *International Studies Quarterly*. 1992. № 36 (December), P. 439-66.
18. *Graham T.W.* National security: opportunities and dangers for the new administration // *Public Perspectives*. 2001. Vol. 12. № 1. P. 22-25.
19. *Christian C* From Russia With Love // *Newsweek*. 2003. April 1.
20. *Page B., Shapiro R.Y.* The Rational Public; Fifty Years of Trends in American Policy Preferences. Chicago, 1992.